VI. РОССИЙСКО (СОВЕТСКО)-МОНГОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XX — НАЧАЛЕ XXI в.

УДК 94(47).065 + 94(57) + 327(51)
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-312-317

РОССИЙСКО-ДЖУНГАРСКОЕ РАЗГРАНИЧЕНИЕ В ПРИИРТЫШЬЕ: ЗНАЧЕНИЕ И ПОСЛЕДСТВИЯ

© **Быков Андрей Юрьевич**
доктор исторических наук, профессор,
Сингапурская Академия корпоративного менеджмента
Россия, г. Москва
baju72@mail.ru

Рассматриваются вопросы российско-джунгарского разграничения в Прииртышье в XVII–XVIII вв., подходы сторон к их решению и влияние этого процесса на взаимоотношения с соседними странами и народами и позднейшее межгосударственное разграничение.
Ключевые слова: граница, Прииртышье, территориальный спор, строительство укреплений, российско-джунгарские отношения, российско-китайские отношения, экспедиции.

Работа выполняется в рамках программы целевого финансирования проекта BR10965282 «Казахстано-российская граница: исторический контекст и новая геополитическая реальность».

RUSSIAN-DZUNGAR SEPARATION IN THE IRTIS: SIGNIFICANCE AND CONSEQUENCES

Andrey Yu. Bykov
Dr. Sci. (Hist.), Prof.,
Singapore Academy of Corporate Management
Moscow, Russia
baju72@mail.ru

The issues of the Russian-Dzungarian demarcation in the Irtysh region in the 17th-18th centuries, the approaches of the parties to their solution and the impact of this process on relations with neighbouring countries and peoples and the later interstate delimitation are considered in the article.
Keywords: Border, Irtysh region, territorial dispute, construction of fortifications, Russian-Dzungarian relations, Russian-Chinese Relations, expeditions.

The work is carried out within the framework of the targeted funded program of the project BR10965282 "Kazakhstan-Russian border: historical context and new geopolitical reality".

После присоединения в XVI в. Сибирского ханства Московское царство включило в свой состав в том числе территорию и население части Приобья и нижнего Прииртышья. Основанные города Тобольск, Тюмень, Тара и др. постепенно становились центрами контактов с соседними странами и народами. Эти контакты далеко не всегда были регулярными и носили преимущественно торговый характер. Однако имели место также дипломатические сношения и военные столкновения. Происходил и постепенный процесс объясачивания местного населения.

Поражение Кучума рассматривалось московским двором как автоматическое вхождение всех территорий и населения бывшего Сибирского ханства в состав России. В частности, входящими в состав государства указаны территории бассейнов рек Оби и Ирты-

ша. Об этом свидетельствует дипломатическая переписка того времени. Позднее, в 1613 г., уже при царе Михаиле Федоровиче Романове, в переписке с европейскими государствами подчеркивалось, что, несмотря на смуту, восточные царства, вошедшие в состав России в конце XVI в., остались в составе Московского государства [ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 282. Тетр. Е. Л. 32–33об.].

В период Смутного времени геополитическая ситуация в регионе существенно трансформируется. Ослабленное Русское государство не могло какое-то время оказывать серьезную централизованную поддержку колонизационным процессам. Даже несмотря на отсутствие русских поселений по Иртышу, в начале XVII в. происходили регулярные торговые контакты ойратов с русскими городами Западной Сибири. Более того, в 1607–1608 гг. в Тару, Томск и Москву прибывают посольства во главе с тайшами, в ходе которых ставились вопросы не только расширения торговли, но и подданства. Причем царствовавший в тот период Василий Шуйский отнесся к приему в подданство джунгар весьма благосклонно [Ретунских, 2002, с. 398–399].

Подданство принято не было, и даже несмотря на рост караванной торговли, в первую очередь китайскими товарами, постепенно ситуация становилась более напряженной. В 1611 г. ойраты начали предпринимать попытки обкладывать данью то же самое местное население, которое платило ясак в русскую казну. Как показал О. В. Боронин, до конца 1620-х гг. западным монголам не удавалось наладить сбор дани, но с 1630 г. часть местного населения стала платить налоги как русским, так и джунгарам, и постепенно начала складываться нетипичная для международных отношений ситуация двоеданничества и двоеподданства, иногда превращавшаяся в многоданничество и многоподданичество [Боронин, 2002, с. 46–160].

Параллельно происходили серьезные геополитические изменения в самой Центральной Азии. Созданное Батуром-хунтайджи в 1635 г. Джунгарское ханство вело активную внешнюю экспансию. Активность молодого Джунгарского государства, правители которого стремились расширить свою территорию и ресурсную базу, в т. ч. за счет новых плательщиков налогов, была направлена против соседних стран и народов: Китая, России, ряда независимых или полузависимых княжеств, среднеазиатских государств и казахов. Несмотря на то, что основу населения Джунгарии составляли кочевники-скотоводы, это государство отличалось более высокими, по сравнению с Казахским ханством, уровнями организации и централизации управления и концентрации власти в руках верховного правителя. Причем казахско-джунгарское соперничество носило наиболее острый характер, поскольку обе стороны вели борьбу за пастбищные угодья — основу их хозяйства. Долгое время борьба шла с переменными успехом, однако в конце XVII в. джунгары смогли закрепить за собой ряд юго-восточных территорий кочевий, прежде эксплуатируемых казахами. Причинами постепенного перевеса в сторону западных монголов являлись более высокий уровень организации внутреннего управления и войсковой дисциплины, подчинение Джунгарией Уйгурских бекств, а также внутренние усобицы среди казахских владетелей [Златкин, 1964; Моисеев, 1991].

В XVII — начале XVIII в. между Россией и Джунгарией состоялся ряд взаимных дипломатических миссий и военных экспедиций, в ходе которых джунгарские правители объявляли о своем суверенитете над вновь построенными сибирскими укреплениями и поселениями по Енисею, в Хакассии, на Южном Алтае [Моисеев, 1998, с. 12–18].

Российское государство в то же время усиливало внимание к региону. В период Северной войны Петр I стремился поставить под контроль России трансконтинентальные торговые маршруты, проходившие через Центральную Азию. Кроме того, определенный интерес для казны представляли вопросы объясачивания местного населения и поиска полезных ископаемых, в первую очередь драгоценных металлов и камней. В качестве ма-

гистрального направления государем было определено движение к Индийскому субконтиненту сухопутным путем.

В 1714 г. сибирский губернатор князь М. П. Гагарин доносил государю о больших запасах месторождений самородного золота в районе Яркенда. Эти данные были подтверждены и другими свидетельствами. Петр I распорядился снарядить экспедиции вверх по Иртышу [РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543. Ч. 3. Л. 144–147об.]. Их численность не превышала 3 тыс. чел., первую возглавил И. Д. Бухгольц [Там же. Л. 152об.; Памятники…, 1885, с. 130–131]. Отличием иртышских экспедиций было не просто продвижение в Центральную Азию, но и закрепление за Россией новых территорий посредством строительства укрепленных пунктов. В инструкции, данной Гагариным, говорилось: «И первой город надлежит делать на помянутой реке Иртыше у Ямышева озера, и оттоль, усмотря, где надлежит, делать и иные городы» [Памятники…, 1885, с. 135]. Экспедицией Бухгольца были основаны укрепления Ямышевское и Омское, однако в 1716 г. из-за противодействия со стороны джунгар она вернулась обратно, а Ямышевская крепость была частично разрушена.

В течение 1715–1720 гг. в этом же направлении был снаряжен еще ряд экспедиций, которые основали укрепления Железинское, Семипалатное и Усть-Каменогорское. Дальше всех смогла проследовать экспедиция И. М. Лихарева. Достигнуть Яркенда они так и не смогли, однако удалось закрепиться в Среднем и частично в Верхнем Прииртышье, причем здесь Россия столкнулась не только с джунгарами, но и с казахами [Памятники…, 1885, с. 126–422].

Подробно вопросы военных экспедиций и дипломатических посольств освещены в работе В. А. Моисеева [1998, с. 22–51; 79–101]. Мы остановимся лишь на некоторых аспектах, имеющих как теоретическое, так и прикладное значение. При движении далее оз. Зайсан по Черному Иртышу русские столкнулись уже с китайскими пограничными знаками и выставили свои пограничные маяки [РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543. Л. 220–220 об.].

В 1724 г. император Петр I удовлетворил просьбу сибирских властей об охране пограничных поселений по Ишиму, для чего было решено использовать драгунский тысячный полк, 3 ишимские роты и еще один полк переселить в остроги близ городов, т.к. «одним полком надежность охраны поселений обеспечена не будет» [Памятники…, 1885, с. 443].

В 1732 г. сибирский губернатор А. Л. Плещеев доносил императрице Анне Иоанновне, что требуется дальнейшее укрепление границ сибирских владений, в первую очередь на границе с джунгарами и китайцами. Совместно с П. И. Батуриным он сообщал, что имеющихся трех пехотных полков, неполного драгунского полка и иррегулярных войск недостаточно для надежной защиты границы. Также, по их мнению, требовалось усилить гарнизоны на границах с казахами, поскольку с лета 1731 г. «и поныне Казачья орда к границам сибирским наезжает всегда, да и с оного ж драгунского полка две роты в командировках: одна на китайской границе, другая в Сибирском Обер-Бергамте, а Якуцкой полк на китайской границе, из двух полков пехотных из Тоболского и Енисейского содержат Иртышские крепости и Сибирской Обер-Бергамт и бывают в непрестанных командировках за разными Вашего Императорского Величества делами в разных местах» [РДО, 2006, с. 62–63].

Таким образом, в отличие от большинства других районов Сибири охрану границ по Иртышу российские власти на раннем этапе освоения территории поручили преимущественно регулярным войскам. Вместе с тем их количество до середины XVIII в. было минимальным. Так, во всех верхнеиртышских крепостях в 1744 г. было лишь 1114 д.м.п. [РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543. Л. 333об.]. Позднее к охране границ здесь были привлечены казаки. И лишь в XIX в. казачество стало доминирующим элементом при несении пограничной службы. Помимо первоначально созданных крепостей постепенно основы-

вались маяки, кордоны, огражденные станицы, редуты, новые полноценные крепости и неукрепленные поселения. Их плотность постепенно возрастала. К 1757 г. расстояние между укреплениями составляло от 50 до 70 верст [РГАДА. Ф. 248. 1760 г. Оп. 113. Д. 1363. Л. 1]. К 1815 г. протяженность сибирских пограничных линий оценивалась в 2360 верст, на охрану границ определялось около 3 человек на версту, а среднее расстояние между укреплениями сократилось до 21,8 версты, что позволяло преодолевать это расстояние верхом на лошади за полтора часа [Быков, 2021, с. 27].

С момента оповещения об экспедиции Бухгольца в 1714 г. джунгарские власти выражали протесты на продвижение русских экспедиций вверх по Иртышу, отмечая, что территория принадлежит им [АВПРИ. Ф. 113. Оп. 113/1. 1731 г. Д. 2. Л. 97; РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1595–1736 гг. Д. 1. Л. 32–33; Контев: эл. ресурс и др.]. Российские власти, со своей стороны, на всех переговорах подчеркивали собственный суверенитет над Прииртышьем.

Так, в 1719 г. майором Лихаревым на переговоры с правителем Цэван-Рабданом был направлен казачий голова И.Д. Чередов. Помимо прочего ему ставились задачи постараться урегулировать отношения с джунгарами, обострившиеся в результате начала строительства крепостей по Иртышу, по возможности договориться о возобновлении торговли, возможности безопасного поиска россиянами месторождений драгоценных металлов, а также донести позицию российского правительства, что Ямышевская крепость находится «на земле Российской, и Иртыш с устья до вершины российский, а городы стоят не для ссоры с ним» [РДО, 2006, с. 23]. Следует обратить внимание, что принцип владения реками от устья до истока был характерен для русского внешнеполитического подхода на востоке в XVII–XVIII в целом, а не только по отношению к владениям по Иртышу.

Джунгарский правитель дал согласие на развитие торговли и поиск месторождений, но не признал законно расположенными вновь построенные россиянами крепости. Он, в частности, заявил Чередову, что Ямышевскую крепость построили «грани и засеки преступя», и «он посылал Черен-Дондука спросить о том строении и из той крепости бой учинили, и Бухолц Черен-Дондуку через толмача говорил, что грани и затесы преступя, город поставили по приказу князя Гагарина». Кроме того, Цэван-Рабдан выразил надежду, что российские власти окажут ему содействие в борьбе с китайцами, позволят собирать подати с сибирских народов, с которых джунгары собирали ясак прежде, а также не будут принимать к себе «беглых от ево калмыков» [РДО, 2006, с. 25].

Вновь вопрос о спорных территориях сибирского ведомства с джунгарами был поставлен преемником Цэван-Рабдана Галдан-Цэреном, который в 1742 г. потребовал снести российские крепости по Верхнему Иртышу, ссылаясь на договоренности прежних правителей двух стран, которые якобы «согласились те места разграничить, и тако по устью Черной Оми постановили границу и учинили во знак той границы засеку с таким договором, чтоб от того времени со обоих сторон никому в чужих местах зверей не ловить и крепостей и других жилищ не строить» [РДО, 2006, с. 77–78], т. е. потребовал снести все крепости от Омска включительно выше по Иртышу. Галдан-Цэрен направил четыре делегации с устными и письменными требованиями. Все территориальные претензии джунгарского правителя российской стороной были отвергнуты. Более того, в 1743 г. было удовлетворено предложение глав оренбургского и сибирского ведомств И. И. Неплюева и А. М. Сухарева «о зделании пограничной линии для закрытия от зюнгорцов (джунгар. — *А. Б.*) по Иртышу до Семиполатной крепости и оттуда до Телецкого озера» на Алтае [РДО, 2006, с. 85]. В 1744 г. Правительствующий Сенат отдал соответствующие указания генерал-майору Х. Х. Киндерману [РДО, 2006, с. 97–105; 134–140].

Джунгарский хан Цэван-Рабдан в своем обращении к сибирскому губернатору А. М. Сухареву также настаивал на срытии крепостей по Иртышу и возврате джунгарам их земель. На это последовало очередное распоряжение об усилении охраны границ с

джунгарами [РДО, 2006, с. 144–148]. В ответном письме джунгарскому хунтайджи сибирский губернатор указал: «А что вы ту землю, на которой Семиполатная и Ямышевская крепости построены, своею называете, то с вашей стороны едва ль доказано быть может, ибо известное дело есть, что как сии, так и другия приграничные крепости из давних времян на собственных российских землях, а не чужих построены» [АВПРИ. Ф. 113. Оп. 113/1. 1750 г. Д. 1. Л. 150–150 об.]. Джунгарский правитель даже пытался привлечь к борьбе за прииртышские территории казахских владетелей, но получил отказ [Архив СПбИИ РАН). Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 255]. Напротив, казахи пользовались прииртышскими крепостями не только для развития торговли, но и при угрозе нападения со стороны джунгар [АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 14. Л. 27].

Претензии джунгарских правителей на Прииртышье продолжали поступать до момента ликвидации Джунгарского государства. Хотя следует отметить, что имело место и обращение мятежного Амурсаны к российскому правительству с предложением о строительстве еще одного русского укрепления в районе оз. Зайсан, к охране которого и границ с китайцами могли бы быть привлечены джунгары [АВПРИ МИД РФ. Ф. 113. Оп. 113. 1757 г. Д. 6. Л. 45].

Крепости на Бухтарме и на Зайсане были построены по личному распоряжению императрицы Екатерины II через несколько лет после падения Джунгарского ханства. Их основными функциями были охрана границ и предупреждение возможности как сухопутного, так и водного (по реке) вторжения китайцев [РГАДА. Ф. 248. 1753 г. Оп. 113. Д. 482. Л. 2–3об.].

Китайские власти после разгрома Джунгарского ханства также несколько раз входили в дипломатическую переписку с российскими властями, считая Прииртышье и ряд других районов спорными, поскольку, по их мнению, эти земли должны были принадлежать Китаю, как государству-победителю. Более того, часть казахов на основании того, что те платили какое-то время дань джунгарам, также автоматически стала рассматриваться китайскими властями в качестве подданных, принявших от китайского правительства титулы и чины [РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1884–1891 гг. Д. 3. Л. 422об. — 423; ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 47. Л. 72–74; Балкашин, 1887, с. 20]. Местные российские власти доносили, что казахи находятся в состоянии выбора и выберут подданство сильнейшего государства [Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 439. Л. 40]. Российские власти продолжали отстаивать позицию непризнания китайского суверенитета ни над казахами, ни над территорией Верхнего Прииртышья, заявляя, что у цинов нет никаких прав на эту территорию, а казахи являются российскими подданными уже в течение многих лет [РГАДА. Ф. 248. 1753 г. Оп. 113. Д. 482. Л. 4 об.; Ф. 248. 1758 г. Оп. 113. Д. 889. Л. 2об.]. В конечном итоге в XIX в. именно эта позиция нашла отражение в Петербургском договоре между Россией и Китаем [РГИА. Ф. 1291. Оп. 38. 1882 г. Д. 58. Л. 4об.].

В рамках подготовки Степного положения (1891 г.) российскими властями был собран значительный материал по вопросу взаимоотношений с подвластными и соседними народами. По вопросу о принадлежности Прииртышья в первой половине XVIII в. для внутреннего пользования было констатировано следующее: «При устройстве в начале XVIII столетия крепостей по рекам Оми, Ишиму и Иртышу земли, прилегающие к этим рекам с юго-восточной стороны, входили в состав Джунгарского ханства» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1884–1891 гг. Д. 3. Л. 422–422об.]. На международной арене Россия продолжала отстаивать принцип принадлежности территории Иртыша от устья до истока, закрепляя его положения в международно-правовых актах.

Таким образом, российская политика в отношении территорий Енисея и юга Западной Сибири, с одной стороны, и Среднего и Верхнего Прииртышья — с другой имела существенные отличия. Если в отношении первых регионов допускалась политика двоеданни-

чества и двоеподданства в рамках международных отношений с Джунгарским ханством и Цинской империей, то в отношении вторых этот подход никогда не применялся. Россия жестко и последовательно отстаивала собственный суверенитет над Прииртышьем и не признавала де юре двое- или многоданничество части казахов, даже когда оно существовало де-факто.

Источники и литература

1. Архив внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел Российской Федерации (АВПРИ).
2. Архив Санкт-Петербургского института истории Санкт-Петербургской академии наук (Архив СПбИИ РАН).
3. Балкашин Н. Н. О киргизах и вообще подвластных России мусульманах. СПб.: Тип. МВД, 1887.
4. Боронин О. В. Двоеданничество в Сибири. XVII — 60-е гг. XIX вв. Барнаул: Азбука, 2002.
5. Быков А. Ю. К вопросу о формировании русско-казахского пограничья в XVI — начале XIX вв. // Тридцать лет Независимости: итоги и перспективы: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Кокшетау: КУ им. А. Мырзахметова, 2021. С. 22–30.
6. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО).
7. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).
8. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758 гг.). М., 1964.
9. Контев А. В. Формирование российско-джунгарской границы в первой трети XVIII в. // http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-88431-227-2 (Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН).
10. Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.). Алма-Ата, 1991.
11. Моисеев В. А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII в. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1998.
12. Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2. 1713–1724. СПб.: Тип. МВД, 1885.
13. РДО — Русско-джунгарские отношения (конец XVII — 60-е гг. XVIII вв.). Документы и извлечения / отв. ред. В. А. Моисеев. Барнаул: Азбука, 2006.
14. Ретунских Н. А. Характер и формы русско-джунгарской торговли. XVII — первая половина XVIII в. // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. С. 398–403.
15. Российский государственный архив древних актов (РГАДА).
16. Российский государственный исторический архив (РГИА).